

Глава 41

Очевидно, Чжуан Янь не шутил. Вскоре Чжун Цин услышал звук заводящегося двигателя.

Чжуан Янь не хотел вешать трубку и даже время от времени звал его по имени, чтобы убедиться, что он всё ещё на связи. Чжун Цин держал телефон, боль в животе становилась всё сильнее, но он терпел и не шёл за лекарством.

Системе стало его жаль.

«Иди уже выпей, через пять минут всё пройдёт. Если будешь тянуть, ещё гастрит заработаешь».

«Нельзя, — задыхаясь, ответил Чжун Цин. — Если я выпью лекарство, как я буду изображать страдание?»

«Цайцзин, — растроганно произнесла Система, — ты хоть и калека, но духом силен».

Пять минут спустя Чжун Цин лежал на диване, попивая горячую воду и косясь на полупустой пакет с чипсами на журнальном столике. Лекарство действительно помогло мгновенно. После одной таблетки для пищеварения он чувствовал, что снова может съесть целого быка.

«Ты же собирался изображать страдание?» — ошарашенно спросила Система.

«Прости, — повинился Чжун Цин, — было слишком больно».

«...» — Система потеряла дар речи. И правда, нельзя хвалить людей, а то они сразу зазнаются, даже если это водяной шпинат, ставший человеком.

Видя её недоумение, Чжун Цин достал ртутный градусник и загадочно улыбнулся.

«Не волнуйся, у меня есть ещё один способ, который всех обманет».

Он взял на руки тёплого котёнка и сунул ему под живот градусник. Раз уж Чжуан Янь сам доставил ему этот живой термометр, грех было не воспользоваться.

Он недолго пролежал с котёнком на диване, как услышал звук открывающегося замка.

Чжуан Янь взволнованно вошёл, неся с собой холод ночного ветра, и опустился на колени перед диваном.

— Где болит?

— У меня жар, голова кружится, — Чжун Цин незаметно вытащил градусник из-под котёнка. Идеальные 38.5°. — Смотри.

Чжуан Янь взглянул на градусник и хотел было прикоснуться к его лбу, но Чжун Цин отстранился.

Он не стал настаивать, поднял Чжун Цина на руки, отнёс в спальню, уложил на кровать, укутал одеялом и снова всмотрелся в его лицо, изучая каждую черточку.

Чжун Цину стало немного неловко, и он глубже зарылся в одеяло.

— Что ты на меня так смотришь?

— Похудел.

Эти два слова Чжуан Янь произнёс очень тихо, но в них было столько тяжести, что было ясно — он говорил от всего сердца.

Чжун Цин покраснел и медленно натянул одеяло на лицо.

«Система, сколько я, по-твоему, набрал?»

«В общей сложности три килограмма. Влюблённые мужчины действительно слепы».

Чжуан Янь наконец посмотрелся. Он протянул руку. Чжун Цин понял его намерение, но его руки были скованы одеялом, и он мог лишь напряжённо наблюдать, как ладонь Чжуан Яня опускается на его лоб.

«Ха-ха-ха, я же говорил, что ты попадешься», — злорадствовала Система.

Чжун Цин почувствовал тепло ладони Чжуан Яня, которая показалась ему горячее его собственного лба, и невольно сглотнул.

Однако Чжуан Янь, убрав руку, тихо сказал:

— И правда, горячий. Не бойся, я по дороге позвонил доктору Чжао, он уже едет.

«...» — пробормотала Система.

Похоже, влюблённые мужчины не только слепы, но и нечувствительны к температуре.

— Я принесу холодное полотенце.

Чжуан Янь встал, чтобы уйти, но Чжун Цин схватил его за рукав. Этого слабого прикосновения было достаточно, чтобы он остановился и обернулся.

Чжун Цин, запрокинув голову, смотрел на него. На его лице от жара под одеялом выступил румянец, отчего его и без того привлекательное лицо казалось немного жалким, словно его только что обидели.

— Чжуан Янь, давай помиримся. Без тебя я ни есть, ни спать не могу... — Чжун Цин запнулся, вспомнив о горе пакетов от еды в гостиной, но, раз уж начал, пришлось продолжать. — Ты даже не представляешь, как я по тебе скучал.

Чжуан Янь сдержался на мгновение, но не смог устоять. Он обернулся и, наклонившись, крепко обнял Чжун Цина.

Он обнимал его с такой силой, словно хотел вдавить в себя, и Чжун Цину стало трудно дышать. К счастью, Чжуан Янь вскоре ослабил хватку, будто мгновенная потеря контроля была лишь иллюзией.

Чжун Цин обхватил Чжуан Яня за шею, чтобы тот не сбежал, уклоняясь от ответа.

— Чжуан Янь, ты меня прости?

Чжуан Янь отвернулся, пытаясь избежать его взгляда, но Чжун Цин настойчиво поднял его подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

Чжуан Янь прикрыл глаза и почти с отчаянием произнёс:

— Ты ни в чём не виноват. У меня нет права тебя прощать.

— Значит, когда я поправлюсь, ты больше не будешь на меня злиться и игнорировать меня?

— Прости, — Чжуан Янь опустил голову, коснувшись лбом лба Чжун Цина. На таком близком расстоянии даже тихие слова звучали как клятва. — Я — подонок. Больше такого не повторится.

Чжун Цин тихо рассмеялся, и в его глазах заиграли нежные искорки. У него от природы были такие соблазнительные глаза, и когда он так смотрел на кого-то, это всегда вызывало

недопонимание. Только Чжуан Янь знал, что на самом деле он ничего такого не имеет в виду.

— Значит, я могу и дальше быть дешёв...

Последнее слово было заглушено рукой Чжуан Яня, прижатой к его губам.

— Ты не дешёвка.

— ?

— Ты — святой.

Чжун Цин, изумлённый, перевернулся и сел, ища повсюду телефон.

— Чжуан Янь, повтори это ещё раз, я запишу.

— Запишешь?

— Редко услышишь от тебя комплимент, конечно, нужно записать и слушать на повторе!

Чжуан Янь смотрел в блестящие даже в темноте глаза Чжун Цина, и на его лице появилось выражение печальной нежности. Это странное выражение скрывалось в темноте, и даже он сам его едва замечал.

Чжуан Янь подумал, что на самом деле это Чжун Цин не знает, как сильно он по нему скучал.

Скучал до такой степени, что боялся с ним встречаться, боялся с ним говорить, потому что стоило ему провести с ним лишнюю секунду, сказать лишнее слово, как он тут же смягчался.

Как и сейчас, при первой встрече после нескольких дней разлуки, он смягчился.

Это было смирение.

Он признал тот факт, что человек, которого он любит, не только гетеросексуал, но и бабник.

Он посмотрел на микрофон телефона, поднесённый Чжун Цином к его губам, горько усмехнулся и покорно повторил:

— Ты — святой.

Чжун Цин счастливо рассмеялся.

Когда он насмеялся, Чжуан Янь снова спросил:

— На журнальном столике были таблетки для пищеварения, у тебя и живот болит?

Чжун Цин не ожидал, что он такой внимательный, и тут же начал жаловаться.

— Да, так болит, что я весь в холодном поту. — Он взял руку Чжуан Яня и приложил к своей шее. — Не веришь — потрогай.

Но Чжуан Янь отдернул руку и вместо этого положил её на живот Чжун Цина.

— Я помассирую.

От размеренных движений Чжуан Яня Чжун Цина начало клонить в сон.

Чжуан Янь массировал очень умело, он научился этому на Чжун Цине. У этого тела, как и у его матери, был слабый желудок, и в детстве Чжун Цин немало от этого страдал. Чжуан Янь не мог на это смотреть и каждый раз, когда у Чжун Цина болел живот, вызывался его массировать.

В полусне Чжун Цину на мгновение показалось, что он снова тот самый ребёнок, который десять лет назад был неразлучен с Чжуан Янем.

Он, как в детстве, накрыл руку Чжуан Яня своей в знак благодарности. Та на мгновение замерла, а затем продолжила движение вместе с рукой Чжун Цина.

От прикосновения кожи к коже страх в сердце Чжуан Яня наконец-то немного утих.

Он не мог связать то слово с Чжун Цином. И когда он думал об этом, и когда слышал это от самого Чжун Цина, его сердце сжималось от ужаса.

Смерть — какое страшное слово. Каждая его черта — как нож, и каждый удар этого ножа отсекает счастливое воспоминание.

Чжуан Янь изо всех сил старался подарить Чжун Цину такое же счастливое детство, какое было у него, но он знал, что у него не получилось.

Родители погибли, и при таких трагических обстоятельствах. Чжун Цин, казалось, оправился от этого десятилетнего кошмара и говорил о них с улыбкой и беззаботностью, но на самом деле он так и не смог принять правду.

У каждого человека есть причина жить: ради славы, ради богатства, ради родителей, ради детей. Чжуан Янь жил ради Чжун Цина, а ради чего жил Чжун Цин?

Чжуан Янь не находил ответа, и поэтому ему всегда казалось, что Чжун Цин — как ветер: он рядом, но его невозможно удержать.

В его голове внезапно промелькнула мысль, от которой у него защемило сердце: может, ему стоит радоваться тому, что Чжун Цин стал таким любвеобильным.

По крайней мере, теперь у него есть что-то, что его волнует, по крайней мере, он наконец-то открыл глаза и смотрит на мир. Связав себя с этим миром, он, возможно, перестанет быть таким призрачным и неуловимым.

Чжуан Янь взял полотенце, вытер лицо Чжун Цина, а затем лёг на кровать и обнял его.

Чжун Цин по-прежнему полностью доверял ему, позволяя себя обнимать, и они лежали, тесно прижавшись друг к другу. Двухнедельная размолвка исчезла, а может, её и не было вовсе.

Под одеялом было тепло, но в сердце Чжуан Яня царил холод.

Что-то там медленно умирало. Но труп этого чего-то был ещё настолько огромен, что кое-как поддерживал видимость прежнего благополучия.

Два месяца до появления Линь Цзыхана жизнь Чжун Цина протекала по трём точкам: рядом с Чжуан Янем, рядом с подружками и у себя дома.

Чжуан Янь сдержал слово и больше не вмешивался в его личную жизнь.

Поначалу Чжун Цин немного беспокоился и, уходя на свидания, старался это скрыть. Чжуан Янь, даже если и догадывался о его лжи, не подавал вида и молча провожал его взглядом.

Через несколько раз Чжун Цин убедился, что Чжуан Янь действительно не будет вмешиваться, и окончательно расслабился.

Главное преимущество получения одобрения от старшего — больше не нужно было скрывать свои отношения.

Он мог при Чжуан Яне звонить девушкам и договариваться о свиданиях, брать любую машину из его гаража, чтобы покатать их, и даже приглашать их домой, чтобы играть в игры в комнате

по соседству с Чжуан Янем.

Но постепенно Чжун Цин стал играть всё реже.

Приближалась сессия.

Ему самому оценки были не важны, но он не хотел мешать девушкам, поэтому стал реже их приглашать. К тому же, Чжуан Янь придавал этому значение, и Чжун Цин, идя ему навстречу, последние несколько дней проводил с ним в библиотеке.

От долгого отсутствия близкого контакта с подружками на коже появилась слабая боль, сопровождаемая навязчивым раздражением.

Эту боль Чжун Цин мог терпеть, он не обращал на неё внимания, считая, что она помогает ему сосредоточиться, но на его лице снова появилось то усталое и ленивое выражение.

Особенно после того, как в библиотеке на три дня отключили электричество, и руководство университета решило выделить столовую под временный читальный зал, его настроение совсем испортилось.

Столовую только что вымыли, и мокрый пол отражал свет ламп, слепя глаза.

Чжун Цин, обнимая книги, искал свободное место и лениво жаловался:

— Чжуан Янь, это же твоя альма-матер, не мог бы ты пожертвовать немного денег на её инфраструктуру? В библиотеке нет света, это ладно, но посмотри на эти лампы в столовой, как в операционной.

Чжуан Янь не понимал, что общего между столовой и операционной, но к таким странным сравнениям Чжун Цина он уже привык.

— Хорошо, — коротко ответил он.

Чжун Цин немного оживился, обернулся и, глядя на Чжуан Яня, медленно попятился назад.

— Так просто?

— Да, — помедлив, он добавил: — Смотри под ноги, а то упадёшь.

Чжун Цин хотел было сказать, что это невозможно, как вдруг сзади его кто-то толкнул, и он, пошатнувшись, упал в объятия Чжуан Яня. Сам он не ушибся, но книги разлетелись по полу.

Студент, который его толкнул, принялся извиняться. Чжун Цин, смутившись, сказал, что это он сам виноват, не смотрел, куда идёт.

Он опустился на колени, чтобы собрать книги, и на полпути в его поле зрения появилась изящная, длинная белая рука.

Это была не рука Чжуан Яня.

У Чжуан Яня были руки охотника, привыкшего натягивать тетиву: большие, с выступающими костяшками и синими венами. А эти руки, казалось, привыкли ухаживать за цветами: пальцы были тонкими, изящными и гибкими.

Обладатель руки поднял книгу, протянул её Чжун Цину и, не сказав ни слова, ушёл.

Чжун Цин, глядя на его высокую спину, мысленно спросил:

«Это и есть Линь Цзыхань?»

«Да. Как ты узнал? Линь Цзыханя перевели раньше, я как раз собирался тебе сказать».

Чжун Цин улыбнулся.

Он был абсолютно уверен, что не прикасался к Линь Цзыханю, они просто стояли рядом, и боль в его теле мгновенно исчезла.

Он никогда не видел, чтобы у кого-то было столько частиц, сколько у Линь Цзыханя. Когда он был рядом, Чжун Цину даже не нужно было их поглощать — они сами проникали в трещины его модели. И, что самое удивительное, из-за их высокого качества, даже когда Линь Цзыхань уже ушёл, они всё ещё оставались на нём, рассеиваясь очень медленно.

Оказывается, высокая совместимость — это так приятно.

Чжун Цин чувствовал себя так, словно в снежную ночь ему подарили камин, в знойный день он прыгнул в бассейн, а когда он умирал от голода, его накормили досыта. Предыдущие десять лет показались ему бесцветными, и только сейчас он обрёл яркие краски.

Чего же он ждал?

Линь Цзыхань был его идеальным объектом для преданной любви!

Долгое молчание привлекло внимание Чжуан Яня, и он потянул Чжун Цина за руку.

Чжун Цин не двигался.

Чжуан Янь хотел было что-то сказать, но увидел, как ярко загорелись глаза Чжун Цина.

Ему показалось, что он уже видел это раньше, и его охватило беспокойство. Он чуть было не утащил Чжун Цина силой.

Но прежде чем он успел это сделать, Чжун Цин заговорил, и в его голосе слышались сдерживаемое волнение и радость.

— Чжуан Янь, я нашёл свою истинную любовь!

Чжуан Яня словно бросили в ледяной погреб.

<http://bllate.org/book/16114/1589704>